

395-02	АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ	"Исход: Покинувшие распятие	Часть 2 «Европейская благодарность»"
--------	-----------------------	-----------------------------	--------------------------------------

"Исход: Покинувшие распятие". Часть 2 «Европейская благодарность»" (Коренблит – Городницкий)

1. Эмиграция	– 2.23
2. От других отличный	– 2.01
3. Из Мартина Нимёллера	– 1.04
4. Вильнюсское гетто	– 2.02
5. Треблинка	– 1.27
6. Освенцим	– 2.13
7. Где был Бог?	– 1.35
8. Не надейся	– 1.56
9. Имена на панели	– 2.25
10. Поминальная идишу	– 2.36
11. Народ и язык	– 3.09
12. Быть евреем	– 1.26
13. За счёт откупившихся	– 1.56
14. Антикварные магазины	– 2.05
15. Европейская благодарность	– 2.24
16. Кладбище Вайсензее в Берлине	– 1.49
17. На могиле Карла Маркса	– 2.10
18. Простите меня	– 1.32
19. Полукровка	– 2.15
20. Ассимиляция	– 2.37
21. Исход из Европы	– 2.27
22. Два Гинзбурга	– 1.45
23. Еврейский страх	– 1.51
24. Польские евреи	– 1.38
25. Покинувшие распятие	– 2.09
26. Перечитывая Генриха Гейне	– 1.44
27. Возмездие	– 2.32
28. Ода антисемитам	– 2.48

Общее время звучания – 58.08

СОДЕРЖАНИЕ

1. Эмиграция

Потомки далёкие вспомнят без смеха,
 О тех, кто сегодня отсюда уехал,
 Но вряд ли напишут когда-нибудь стансы
 О тех, кто остался.

Не так ли папируса свиток не гибкий
 Молчит, вспоминая исход из Египта,
 О тех, кто остался в столетие оно
 В земле Фараона?

Припомнят лишь тех, кто упорен и стоек,

Прошёл лабиринт шереметьевских стоек.
Вовек вам желаю не знать ностальгии,
Мои дорогие!

Вот так по дороге к чужому причалу
Себя человек возвращает к началу,
Конец своей жизни - мол, будет иная -
С нуля начиная.

Их грабит в порту напоследок таможня,
Воруя подряд, что нельзя и что можно,
Последнюю сумку в предверии рая
Из рук отбирая.

Не так ли когда-то их гнали пинками
В сырые предбанники газовых камер,
Следя, чтобы все они в общей могиле
Лежали нагие?

Но нету у них ни обиды, ни боли, -
Есть только язык, что забрали с собою,
Который не хлеб им, не завтрак, не ужин, -
Который не нужен.

Не так ли, родную покинув природу,
Уходит ныряльщик в холодную воду,
Туда, где нужны обитателям жадным
Лишь плоские жабры?

Не так ли зародыши будущих распрей
Уносит на волю родившийся в рабстве,
Наивно надеясь в желанье удачи, -
Всё будет иначе?

Не так ли в финале, где гибель актёра,
Звучит декламация древнего хора,
Кровавой развязкой кончая спектакли?
Не так ли?

Не так ли, рукою махнув Подмосковью,
Летишь ты и сам над планетой с тоскою,
Под потной рубашкой неся своё время, -
Пространство и время?
16.02.1991

2. От других отличный

Во всём евреи от других отличны.
Нам странны их обычаев черты.
Все новый день встречают с пеньем птичьим, —
Евреи начинают с темноты.
Они кашриту следуют упрямо,
И осенью встречают новый год.

Все люди пишут слева и направо,
Евреи же — всегда наоборот.
Над Торою раскачивая плечи,
Стремясь ее не выпустить из рук,
Они живут, всегда противореча,
Всему, происходящему вокруг.
А в тех местах, безлюдных и унылых,
Где вечный обретается уют,
Кладут цветы обычно на могилы, —
Евреи камни серые кладут.
Они усердно молятся ночами
Тому, кто не избавил их от бед,
И там, где все согласно промолчали,
Евреи помолчат и скажут: «Нет».
Чтобы, шагая с прочими не в ногу,
Тревожа беспокойные умы,
Отправиться к невидимому Богу,
Который их не любит, как и мы.
2010

3. Из Мартина Нимёллера

Полицейской машины рев по ночам,
Звонки у соседних дверей.
Когда брали евреев, я молчал,
Потому что я не еврей.

Когда коммунистов везли в лагерь,
Молчал я, душою чист,
Поскольку любому известно, что я,
Конечно, не коммунист.

Когда за католиками потом
Пришли через пару лет,
Сидел я снова с закрытым ртом —
Ведь я не католик, нет.

А ветер холодный выл за стеной,
На Германию ставя печать.
И когда пришли наконец за мной,
Некому было молчать.
2006

4. Вильнюсское гетто /Песня узников вильнюсского гетто

Жили и мы когда-то рядом,
И пожелать сердечно рады
Ласки Господней
Всем, кто сегодня
В наших живёт домах.
Нас не отыщешь в гетто, в гетто,
Мы по соседству где-то, где-то,
В тёмных дубравах,
Солнечных травах

И полевых цветах.

Здравствуй, красавец Вильно, Вильно,
Все мы тебя любили сильно.

Было нас много
Милостью Бога,
Только, увы и ах,
Нас не отыщешь в гетто, в гетто, –
Мы по соседству где-то, где-то,
В тёмных дубравах,
Солнечных травах
И полевых цветах.

Слышишь – в ночи рычит овчарка,
В лица прожектор светит ярко.
Слыша приказы,
Больше ни разу
Не испытаем страх.
Нас не отыщешь в гетто, в гетто, –
Мы по соседству где-то, где-то,
В тёмных дубравах,
Солнечных травах
И полевых цветах.

Видишь дождя косые струны?
Были мы стары или юны,
Станет землею,
Доброй и злою,
Наш безымянный прах.
Нас не загонят в гетто, в гетто,
Мы по соседству где-то, где-то,
В тёмных дубравах,
Солнечных травах,
И полевых цветах.
1997

5. Треблинка

Треблинка, Треблинка,
Чужая земля.
Тропинкой неблизкой
Устало пыля,
Всхожу я, бледнея,
На тот поворот,
Где дымом развеян
Мой бедный народ.

Порою ночью
Всё снится мне сон:
Дрожит подо мною
Товарный вагон,
И тонко, как дети,
Кричат поезда,

И жёлтая светит
На небе звезда...

Недолго иль длинно
На свете мне жить, -
Треблинка, Треблинка,
Я твой пассажир.
Вожусь с пустяками,
Но всё до поры:
Я камень, я камень
На склоне горы.

Плечом прижимаюсь
К сожжённым плечам,
Чтоб в марте и в мае
Не спать палачам,
Чтоб помнили каты -
Не выигран бой:
Я камень, я камень
Над их головой.

О память, воскресни, -
Не кончился бой:
Я песня, я песня
Над их головой.
11.1966

6. Освенцим

Над просёлками листья - как дорожные знаки,
К югу тянутся птицы, и хлеб недожат.
И лежат под камнями москали и поляки,
А евреи - так вовсе нигде не лежат.

А евреи по небу серым облачком реют.
Их могил не отыщешь, кусая губу:
Ведь евреи мудрее, ведь евреи хитрее, -
Ближе к Богу пролезли в дымовую трубу.

И ни камня, ни песни от жидов не осталось,
Только ботиков детских игрушечный ряд.
Что бы с ними ни случилось, не испытывай жалость,
Ты послушай-ка лучше, что про них говорят.

А над шляхами листья - как дорожные знаки,
К югу тянутся птицы, и хлеб недожат.
И лежат под камнями москали и поляки,
А евреи - так вовсе нигде не лежат.
10.1966

7. Где был Бог?

На киот поглядываю косо,
И не верю в ангельскую весть.

Где был Бог во время Холокоста,
Если он и вправду в мире есть?

Русский, итальянский и еврейский,
Где он был, незыблемый в веках,
На полотнах, куполах и фресках
Медленно парящий в облаках.

На вопрос ответить мне не просто
На местах бесчисленных могил,
Где был Бог во время Холокоста,
Если он и вправду где-то был?

Я об этом думаю с тоскою,
Ощущая с мертвыми родство.
Если мог он допустить такое,
Значит вовсе не было его.

На восходе или на закате,
Для чего в молитвах и мечтах,
От него всё ждём мы благодати,
Перед ним испытывая страх?
2007

8. Не надейся

Изменить неспособно время
Вековой городской уют.
Здесь когда-то жили евреи,
Что нигде теперь не живут.

Тем, кому не дано быть немцем,
Смерть написана на роду.
Депортированы в Освенцим
В сорок первом они году.

Было вряд ли соседям жаль их,
Покидающих милый край.
Как гордились здесь горожане
Этой надписью "Юденфрай"!

И признаньем затем публичным,
В доказательство этих слов,
На панели блестят таблички,
Подтверждающие улов.

В крематориях Аушвитца
Выкипает людская плоть.
Есть теперь у кого учиться,
Как родные поля полоть.

На земле имена пестреют,
Поясняя наглядно мне,

Что не следует жить евреям
В этом городе и стране.

На панели блестит табличка,
И зеленая шепчет медь:
"Не надейся на обезличку
При желании уцелеть.

Собирайся вослед за ними.
Год минует, потом другой,
И твое зачернеет имя
У прохожего под ногой".
2006

9. Имена на панели

В краснокаменном гамбургском доме,
Где недолгое время живу,
Где улыбчивый старый садовник
Постригает утрами траву

И сажает в газончике розы,
Ежедневный верша ритуал,
Я смотрю на таблички из бронзы,
Запечатанные в тротуар.

Проживали здесь прежде евреи.
Их убила родная страна.
Моет дождик, и солнышко греет
Позабывшие их имена.

Оглянись, торопливый прохожий,
На оставленный мертвыми след:
Готфрид Клеве, что года не прожил,
Эльза Клеве двенадцати лет.

Доктор Готлиб, заслуженный медик,
Что на третьем живал этаже.
Из живущих поныне соседей
Их никто не припомнит уже.

Был единый финал неизбежен
Для детей, стариков и девиц.
Адреса депортации те же:
Аушвитц, Аушвитц, Аушвитц.

Обещание новой угрозы,
Раздувающей новый пожар,
Эти десять табличек из бронзы,
Запечатанные в тротуар.

Мир устроен теперь по-другому,
И живые живут для живых.

Но когда выхожу я из дома,
Я всегда спотыкаюсь о них.

Я ступаю на них по привычке,
Невеселым раздумьем томим:
Заблестят ли такие таблички
Перед домом московским моим?
2006

10. Поминальная идишу

Только наружу из дому выйдешь,
Сразу увидишь:
Кончился идиш, кончился идиш,
Кончился идиш.
В Чешских Градчанах, Вене и Вильно,
Минске и Польше,
Там, где звучал он прежде обильно,
Нет его больше.

Тех, кто в местечках некогда жил им,
Нет на погостах, -
В небо унёс их чёрный и жирный
Дым холокоста.
Кончили разом пулей и газом
С племенем мерзким,
Чтоб не мешала эта зараза
Небу с немецким.

То, чем гремели некогда Зускин
Или Михоэлс,
Перемогая словом изустным
Время лихое,
То, чем дышали некогда Маркиш
Или Алейхем,
Бывшее громким, бывшее ярким,
Сделалось ветхим.

В книге потомков вырвана с корнем
Эта страница
С песней о том, как Ицик упорно
Хочет жениться.
В будущем где-то жизни без гетто
Им пожелай-ка!
Тум, балалайка, шпиль, балалайка,
Штиль, балалайка.

Те, в ком когда-то звонкое слово
Зрело и крепло,
Прахом безмолвным сделались снова,
Горсткою пепла.
Пыльные книги смотрят в обиде
В снежную заметь.

Кончился идиш, кончился идиш, -
Вечная память!
2001

11. Народ и язык

Судьба моих предков, как пепел, черна и горька.
Не дай моим внукам, Всевышний, её повторить.
Я с раннего детства родного не знал языка,
И нету надежды, что буду на нем говорить.

С чего начинается горестный этот подсчет, -
С расстрельного рва или груды пылающих книг?
Язык умирает, когда умирает народ.
Народ умирает, когда умирает язык.

Дождливый ноябрь к снеговому идет рубежу.
В покинутом доме входная распахнута дверь.
С неясной тоской одиноким туристом брожу
В еврейских кварталах, где нету евреев теперь.

Зачем я живу, позабывший и племя и род,
Убогий изгой, что от дедовских песен отвык?
Язык умирает, когда умирает народ.
Народ умирает, когда умирает язык.

Пылится на полке никем не читаемый стих.
Весёлые песни навеки умолкли вдали.
Услышь же, Израиль, детей неразумных твоих,
Что в черную яму с собою язык унесли.

Не может обратно Земля совершить поворот.
Рекою не станет засохший однажды родник.
Язык умирает, когда умирает народ.
Народ умирает, когда умирает язык.

И все же, дружок, понапрасну над ними не плачь.
Меж жизнью и смертью еще не кончается спор,
Покуда на крыше печальный играет скрипач,
И детский поет, заглушая стенания, хор.

Покуда в огне отыскать мы пытаемся брод,
И старый учебник с надеждой берёт ученик.
Язык умирает, когда умирает народ.
Народ умирает, когда умирает язык.
2007

12. Быть евреем

Отгорели в огне Холокоста
Миллионы еврейских сердец.
Быть евреем на свете не просто,
Как заметил хасидский мудрец.

Не сгибаться, согнувшись дугою,
Голосить – молчаливым на вид,
Улыбаться и там через горе,
Где другой зарыдает навзрыд.

Отличат его внешность и говор.
Он в любом неприютен дому.
То, что может проститься другому,
Никогда не простится ему.

Презируемый и безответный,
Меж чужих он всегда одинок,
Но под злым и пронзительным ветром
Розовеет его огонек.

И на сцене кривляться он будет,
Ослепительный комик и мим,
И смеются наивные люди
Там, где плакать положено им.
2007

13. За счёт откупившихся

И тебе бы свой век коротать на Ганзейском причале,
Fremde Sprache опять изучая в конце, как в начале (фрэмдэ шрахэ) - иностранный язык
Довоенного детства в забывшемся сороковом.
Бессловесно гулять вдоль тенистых каналов,
Торопясь обставлять на пороге финала
Свой последний бесплатно полученный дом.

Надевая кипу, по субботам ходить в синагогу,
Умножая толпу, что освоило понемногу
Европейский добротный уют,
Получая доход от шести миллионов погибших,
Пробавляясь за счет тех безвестных Рахилей и Гиршей,
Что когда-то здесь жили, а нынче уже не живут.

У прилавков чужих вопрошать: «Wieviel kostet?», (вив-фьи костэт) – сколько стоит
Позабыв о сгоревших в огне Холокоста,
У холодных морей на краю,
Принимая уплату за кровь их и смертные муки,
Чтобы спали спокойно убийц белокурые внуки,
Откупившие совесть свою.
1997

14. Антикварные магазины

В магазины антиквариата
Не хожу, усталый ротозей.
Я любил их, помнится когда-то,
В детстве принимая за музей.

Но уходят памятные даты
И теперь, почти что старику,

Магазины антиквариата
Мне внушают странную тоску.

В рамках позолоченных картины,
Бронза, гобелены, серебро,
Все это покрыто паутиной
Времени и, видимо, старо.

Мне от мысли никуда не деться,
В прошлое протягивая нить,
О первоначальных их владельцах,
Вещи не сумевших пережить.

Их унес по перепутьям млечным
Смуты и войны девятый вал.
Ведь когда я вижу семисвечник,
Знаю я, как он сюда попал.

Что мы в детстве видели когда-то,
Горькие свидетели потерь?
В магазины антиквариата
Никогда не захожу теперь.

В них немногочисленно — лень и скука,
Но витают в воздухе всегда
Запах тлена, краденого скупка,
Пепел разорённого гнезда.
2009

15. Европейская благодарность

В парижском Дворце Инвалидов,
Где Наполеон погребен,
И статуи скорбного вида
Склонились у пышных колонн,
Где слава витает в зените,
И все говорит о войне,
Я надпись нашел на иврите
На серой надгробной стене.

Гласили под надписью даты,
Что вечный нашли здесь покой
Погибшие в битвах солдаты
Далёкой войны Мировой.
И глядя на список унылый
Спасавших французскую честь,
Я вспомнил – такие могилы
В Берлине во множестве есть.

На кладбище Вайсензее,
Где юность свою и талант
Зарыли солдаты-евреи,
Погибшие за фатерлянд.

Сражаясь на Марне и Ипре,
Воюя с обеих сторон,
Евреи за Родину гибли,
Врагу причиняя урон.

В краях, где железная вьюга
Огнем выжигала поля,
Они убивали друг друга
Чужого отечества для,
Его в размышлении косном
Наивно считая своим.
И жирным костром холокоста
Европа ответила им.
2004 *Источник: СФ2\545*

16. Кладбище Вайсензее в Берлине

На кладбище Вайсензее
(По-русски – Белое море),
Экскурсии, как в музее
Летом и зимою.

На кладбище Вайсензее,
Где весной расцветает ландыш,
Похоронены евреи,
Защитники Фатерлянда.

Успевшие воплотиться
В ветки кустов кривые, –
Сапёры и пехотинцы,
Фельдфебели и рядовые

Лежат на земле любимой,
Ничуть не подозревая,
Что вовремя их убила
Первая Мировая.

Что, в печи гоня их семьи
Неутомимо и косно,
Отплатит достойно всем им
Родина Холокоста.

Так же, как и когда-то,
С правофланговым вровень,
Держат в строю солдаты
Мрамор своих надгробий.

Досужие ротозеи
Приходят сюда, глаза,
На кладбище Вайсензее,
На кладбище Вайсензее.
1999

17. На могиле Карла Маркса

Днем и ночью не отдыхает
Лондон суетный за стеной.
На безлюдном погосте Хайгет
Распорядок царит иной.

Над могилой кружатся осы,
И планирует желтый лист.
Здесь великий лежит философ
И великий экономист.

В камне выбитая тирада
Вспоминается мне опять:
«Этот мир объяснять не надо, —
Переделать — не объяснять».

Не забудется эта фраза
На надгробье гранитном том.
Понимаешь ее не сразу,
Понимаешь её потом.

То ли русские, то ли немцы,
Доведут её до ума, —
Жирным дымом чадит Освенцим,
Рвы захлопнула Колыма.

Распадаясь, дымятся страны,
На погибель обречены.
Залечить не успеешь раны
От войны до другой войны.

Джугашвили, Пол Пот, Бен-Ладен,
Все согласны до одного:
Объяснять этот мир не надо, —
Переделать надо его!

И грозы мировой дыханье
От морей плывёт до морей,
Взяв начало с погоста Хайгет,
Где немецкий лежит еврей.
2007

18. Простите меня

Начав свои будни обычные,
Встают поутру на рассвете
Родители русскоязычные
И англоязычные дети.

За окнами клены сутулятся,
Летит журавлиная стая.
Торопятся дети на улицу,
В чужую культуру вращая.

Им бывший язык их — помехою,
Избравшим другую дорогу, —
Затем ведь сюда и приехали,
Чтоб русский забыть понемногу.

По-русски поющие предки их
О крае грустят удаленном,
Но лист, разлучившийся с веткою,
Не станет, как прежде, зелёным.

Лишь в сердце назойливым зуммером
Стучатся знакомые звуки.
Простите меня, неразумного,
Ивритоязычные внуки!
2010

19. Полукровка

Полукровка, полукровка,
Как живёшь, свой грех тая?
Не помогут маскировка
И фамилия твоя.

Спросит строго пережиток,
Кто ты родом, чей ты сын, -
Полутурок, полужидок
Или полуармянин.

Полукровка, полукровка,
Неудачливый изгой,
Где проходит эта кромка -
Пол одной и пол другой?

Чьи в тебе сокрыты вины?
Чьи платить тебе долги?
Две твоих же половины -
Неизменные враги.

Полукровка, полукровка,
Песню общую не пой.
Ненадёжным будет кров твой
На земле всегда чужой.

Одинок ты будешь вечно.
Всюду встретишь ты врага.
Ты везде - ни Богу свечка
И ни чёрту кочерга.

Спрос идёт с любой из наций, -
Ты в ответе за двоих.
Все к своим бегут спасаться, -
У тебя же нет своих.

Позабыли, видно, род свой
То ль отец твой, то ли мать.
Если кровь твоя прольется,
Где какая – не понять.
13.03.1990

20. Ассимиляция

Узнать невозможно заранее,
Где рай ожидает, где ад.
Евреи, приехав в Германию,
Евреями быть не хотят.

Меж Март, Иоганнов и Фрицев
Во всю эмигрантскую прыть
Стремятся они раствориться
И чада свои растворить.

Зачем, помышляя о чуде,
Качая цветы в хрустале,
Опять поселяются люди
На выжженной прежде земле,

К подножиям сонных вулканов
Свои прилепив города,
Себя уверяя лукаво.
Что больше уже никогда?

Так просто на этом причале
Укрыться с течением дней
От глаз своих в вечной печали,
От русскоязычных корней.

В других растворится незримо
И стать европейцами вновь,
Как будто и впрямь растворима
Густая еврейская кровь.
1997

21. Исход из Европы

А мы из мест, где жили деды,
Где будут внуки жить опять,
Летим делить чужие беды,
Чужою жизнью доживать.

В края, где газовую печь нам
Уже готовят, может быть,
Мы возвращаемся беспечно,
Спасительную бросив нить.

Но голос ночью мне раздастся,
Вдруг пробуждая ото сна:

"Я Бог твой. Я народ из рабства
Однажды вывел". Тишина.

И в царстве холода и снега,
Душою немощен и слаб,
О вероятности побега
Подумает усталый раб.

Постой и удержи дыханье,
Мгновение останови,
И смутное воспоминанье
В твоей затеплится крови.

И жизни собственной дорога,
Разматываясь на лету,
Забрезжит, как явленье Бога,
И снова канет в темноту.

18.02.1991

22. Два Гинзбурга

Вперед угадать мы не в силах
Земное свое бытие.
Лежат во французских могилах
Два Гинзбурга, два шансонье.

Осенних пейзажей наброски,
Дыхание ближних морей.
Один из них — днепропетровский,
Другой — кишиневский еврей.

Октябрь лисицею рыжей
Крадется по мокрой траве.
Один был известен в Париже,
Другой — популярен в Москве.

Немного известно нам в сумме
О их непохожей судьбе, —
Один от наркотиков умер,
Другого убил КГБ.

Связали их общие узы,
С рождения каждый изгой,
Но первый остался французом,
И русским остался другой.

Как эти могилы не близки
Холодной дождливой порой:
На первой — цветы и записки,
Густая трава на второй.

И мысль невеселая снова
Внезапно приходит ко мне:

Не следует русское слово
В чужой хоронить стороне.
2010

23. Еврейский страх

И становится страх постоянным сожителем нашим,
С нами ест он и пьёт, и листает страницы газет.
Не спешите помочь нам – наш путь неизбежен и страшен:
Вы спасётесь когда-нибудь – нам же спасения нет.

Меж народов иных пребываем мы все должниками.
Не для нас это солнце и неба зелёная твердь.
Наши деды дышали озоном газовой камер,
И такая же внукам моим уготована смерть.

Не бывать с человечеством в длительной мирной связи нам:
Нам висеть на крестах и гореть на высоких кострах,
Густо политых кровью и пахнущих едко бензином,
И соседям внушать неприязнь и мистический страх.

Вновь настала пора собирать нам в дорогу пожитки.
Время пряхой суровой сучит напряжённую нить.
Истекают часы, и наивны смешные попытки
Избежать этой участи, жребий свой перехитрить.
1991

24. Польские евреи

Там, где границы польской знаки
Нет ни земли им, ни воды.
Они твердили, что поляки,
А им кричали, что жида.

Могилы прадедов покинув,
В любви непрошеной слепы,
Они ушли, сутуля спины,
Под улюлюканье толпы,

Треблінки плодородным пеплом
Засеяв скудные поля,
Чтобы земля родная крепла,
Крестьянам души веселя.

Не ведая, что будет после,
В чужом краю найдя приют,
Они детей зовут по-польски,
И песни польские поют.

И длится Польская держава,
Не зная края и конца,
Не там, где Краков и Варшава,
А там, где бьются их сердца.
29.11.1998

25. Покинувшие распятие

Время европейского еврейства
Миновало. После Холокоста
В Англии не занимать им место,
Не торчать у Польши в горле костью.

В Гамбурге не хвастаться товаром,
В Кордове не строить синагогу,
Никому — ни молодым, ни старым, —
Все они исчезнут, слава Богу!

Вдаль плетется скорбная колонна,
Бормоча под нос себе молитвы.
Так когда-то шли из Вавилона,
А потом бежали из Египта.

Снова их сгоняет с места некто,
Кто испачкал пальцы в этом тесте, —
Так приходит время континентам
Расходиться и сходиться вместе.

Друг у друга спрашивают люди,
Глядя им в затылки безучастно:
"С кем теперь советоваться будем?
На кого валить свои несчастья?"

А в музейных залах слышен ропот, —
Там картины покидают рамы,
И стоят на площадях Европы
Без крестов оставшиеся храмы,

Словно человек, лишённый платья,
На ветру осеннем холодея.
И Христос, покинувший распятие,
В пыльную уходит Иудею.
02.09.1995

26. Перечитывая Генриха Гейне

Нас всегда убивали и жгли,
Со времён фараонов до Сталина.
Ни кусочка родимой земли
Во владение нам не оставлено.
Меж земель пробираясь чужих,
Через фивы, берлины и липецки,
Говорили мы лучше других
По-немецки и древне-египетски.

Не сумев уберечь своих книг,
Проходя через страны и нации,
Мы чужой обживали язык
И меняли его интонации,

Невзирая на окрики «хальт»,
Возвратив материнское лоно им.
Так трава, пробивая асфальт,
Остаётся травой зелёною.

Нас старались лишить языка,
Улюлюкая громко – ату его!
Но живет Мандельштама строка,
Пастернака, Самойлова, Тувима.
Изгоняли нас тысячу раз,
Унижая и грабя немерено,
Но на деньги, что взяты у нас,
Снаряжали Колумба в Америку.

Не надеясь свой дом отыскать,
Чужестранцы и вечные странники,
По Европе бредём мы опять,
Аушвитцы пройдя и майданеки.
И качаясь на пыльном ветру,
На дорогах, что предками пройдены,
Мы уносим с собою Тору,
Как свою портативную Родину.
2008

27. Ода антисемитам

Спешу заявить я открыто,
Покуда мой разум глубок:
Да здравствуют антисемиты,
Пускай им способствует Бог.
Пускай они множатся всюду,
До края последних морей,
Поскольку иначе откуда
Я знал бы о том, что еврей?

Спасибо, ушедшие рано
Ассирия, Рим, Вавилон,
Что наши разрушили храмы
И нас угоняли в полон.
За то, что в пустыне мы гибли,
Слепой покоряясь судьбе,
Великий властитель Египта,
Спасибо за это тебе!

И вам, украинские каты,
Что шли на детей с топором,
И Вам, государь император,
Любой одобрявший погром,
Тебе, аккуратнейший Эйхман,
Травивший нас газом «Циклон», -
Всем фюрерам Третьего Рейха
Нижайший за это поклон.

Когда бы не знали кастеты,
Не газ пресловутый «Циклон»,
Мы все бы исчезли, как хетты,
Меж иноязычных племён.
Мы стали бы каплей в элите
Морей чужеземных и рек.
Недаром «Адам» на иврите
По-русски звучит «Человек».

Погромы, угрозы, теракты,
Явление кровавых комет,
И ядерный адский реактор
Над миром занёс Магомет.
Но даже стократно убитый,
Скажу я в последний свой час:
Да здравствуют антисемиты,
Которые создали нас!
1997

28. Возмездие

Люди с Востока в Германии едут в автобусе,
В городе старом, который привык к тишине,
Громко кричат и смеются, не ведая робости,
Будто веками живут они в этой стране.

Так хорошо им, что даже становится завидно.
Их не приманит стамбульских небес синева.
В этом краю укрепились они, как хозяйева.
Немцы молчат и отводят в окошко глаза.

Им не нужны янычарские сабли, наверное,
Им до поры — работягами мирными быть.
«Руку с улыбкой покорно целуй у неверного,
Если пока что не можешь её отрубить».

Вот он, конец европейской хмельной демократии, —
Хмурые лица и небо в осеннем дыму.
Сколько бы лет на неё понапрасну ни тратили,
Не удержаться надолго ей в этом дому.

Где те знамена, что в небе, победные, реяли,
Гордая надпись на стенах домов «Юденфрай»?
Надо ли было тогда разбираться с евреями,
Чтобы потом мусульманам отдать этот райх?

Бледное утро крадётся звериными тропами.
Гамбургских улиц брусчатка звенит под ногой.
Завтрашний день над тревожною брезжит Европою,
Где моджахеды с одной стороны и нацисты с другой.
2010